Пуповина

Автор:
Александр Варго

Пуповина

Александр Варго

MYST. Черная книга 18+

Врач Кузнецов возвращался домой после работы. В подземном переходе к нему пристал оборванный бомж с удивительно красивой голубоглазой девочкой лет пяти. Кузнецов дал бродяге крупную купюру. Тот раскланялся. А девочка вдруг сказала «папа». Кого она имела в виду, Владимир понял на следующий день, когда решил проверить, где теперь та странная парочка. Девочка была все там же, а рядом с ней на полу валялся труп бомжа. Владимир вызвал полицию и скорую. Ночью он случайно выглянул в окно и снова увидел на качелях ту же девочку. Выглянувшая из-за туч луна вдруг осветила омерзительное зрелище…

Александр Варго

Пуповина

© Варго А., 2016

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2016

Пуповина

События, изложенные в этом рассказе, являются вымыслом автора. Любые совпадения случайны.

«Только дурак может праздновать годы приближения смерти».

Джордж Бернард Шоу

«Все, что мы имеем в этой жизни, мы либо заслужили, либо допустили».

Изречение

19 апреля, понедельник, 19.45

Многие считают понедельник тяжелым днем, но Владимир Кузнецов не был согласен с подобным утверждением. Считаешь, что этот день будет для тебя трудным – он им обязательно будет. Ибо не фиг делать себе психологических установок, самовнушение – вещь заразная.

Сегодня он успел практически все, что запланировал, но небольшой сбой все же произошел. Последним пунктом в списке дел Владимира числился визит в магазин игрушек (Насте, их дочке, в это воскресенье должно было исполниться пять лет), но у его «Лексуса» неожиданно заклинила коробка передач.

«Вот попал», – отметил он, ругая себя за то, что в выходные не смог выкроить пару часов, чтобы отогнать автомобиль в сервис. Ведь давно уже собирался!

После того как машину эвакуировали в сервис, он взглянул на часы. До закрытия детского торгового центра оставались считаные минуты. Владимир подумал о такси, после чего с неохотой был вынужден признать, что с покупкой подарка Настюше придется повременить. По крайней мере, до завтра.

Ничего, всех форс-мажоров предусмотреть нереально. Главное – не зацикливаться на эмоциях, когда что-то идет вразрез с твоим планом, вовремя

принять единственно правильное решение и идти дальше.

К своим тридцати восьми годам Владимир имел то, о чем многие мужчины его возраста могли бы только мечтать. Работа в сфере пластической хирургии приносила ему хороший доход. Уютная, со вкусом обставленная квартира с загородным домом, строительство которого было закончено этим летом. И конечно же, замечательная семья – обожаемые им жена Иринка и дочка Настюша. Точнее, Настеныш – так он ее любил называть. А скоро их семья увеличится еще на одного человечка. При мысли об этом Владимир улыбнулся – он вспомнил, как Ира, задыхаясь от счастья, сообщила ему о беременности.

«Володя, этого малыша дарит нам Бог», – выпалила она, смахивая слезу. Он обнял ее, понимая правоту супруги – после рождения Насти все попытки зачать ребенка были, фигурально выражаясь, бесплодными. А Владимир всегда мечтал о сыне. И когда УЗИ подтвердило, что на свет появится мальчик, счастью его не было предела.

Поразмыслив, Владимир решил не брать такси, тем более до дома оставалось не более трех кварталов. В конце концов, вечерняя ходьба весьма полезна, учитывая, что он и так не особенно балует свое тело физическими нагрузками.

Кузнецов спустился в подземный переход. Он был почти пустым, не считая нищего побирушки, который сидел в груде тряпья, прислонившись к стене. Владимир инстинктивно ускорил шаг – он презирал бомжей и прочих асоциальных личностей, хотя и не любил затрагивать эту тему. Будучи твердо убежденным, что каждый в своей жизни получает по заслугам, он никогда не подавал милостыню.

Поравнявшись с бродягой, он все же не удержался и скосил глаза, к своему внезапному удивлению заметив, как из тряпья выглянула детская головка.

Ребенок. Лет пять-шесть. Мальчик?

Владимир замешкался. Нищий хрипло закашлялся и приоткрыл заплывшие глаза.

– Дай десятку, парень, – прокуренным голосом проговорил он. – Хоть засранную десятку.

– Иди работать, – машинально ответил Владимир. Он смотрел на малыша, кутавшегося в рванину. Боже, он же совсем кроха!

– Я угробил себе позвоночник на сраном заводе, – без каких либо эмоций, отрепетированным тоном парировал забулдыга, отсекая тем самым любые необоснованные обвинения в свой адрес. Он поскреб заросший подбородок. – Я ведь не прошу у тебя ключи от твоей тачки.

– И на том спасибо, – усмехнулся Владимир, пряча в карман ключи от «Лексуса», которые он все это время машинально крутил в руке. Он не сводил глаз с ребенка. Громадные глаза малыша, в свою очередь, не отрывались от мужчины. Они были светло-голубыми, словно Бог, создавая эту кроху, передал его глазам частичку небесной лазури. Необычайно красивый цвет глаз резко контрастировал на фоне чумазого, худого личика мальчугана.

Попрошайка продолжал что-то бубнить про урода-начальника и несовершенство пенсионной системы, смачно вплетая в свою речь непечатные выражения, но Владимир едва ли слушал этот бред – его рука уже потянулась к борсетке.

– Купи что-нибудь своему сыну, – он положил перед нищим пятисотрублевую купюру. Бомж мгновенно умолк, изумленно таращась на деньги, словно незнакомец вытащил их не из борсетки, а как минимум из заднего прохода.

– Слышишь? Не пропивай все, – потребовал Владимир. Он еще раз взглянул на малыша. Тот полностью высвободил голову из-под рванья, и Кузнецов изумленно выдохнул. Теперь, когда он увидел волосы ребенка, стало ясно, что это девочка.

– Не пропью, – энергично закивал бомж, сграбастав купюру своей грязно-мозолистой лапой.

– Папа…

Владимир вздрогнул. Девочка с надеждой заглядывала ему в глаза.

Он повел плечом, словно стряхивая с себя вязкое оцепенение, и торопливо зашагал прочь.

(папа)

– Эй, парень! Спасибо! – донеслось ему в спину хриплое.

Оставшуюся часть пути до дома Кузнецова одолевала только лишь одна мысль.

Кого имела в виду девочка?

В эту ночь он плохо спал.

20 апреля, вторник

Машина была готова уже к обеду, и Владимир тотчас же отправился в сервис.

«Открою вам секрет, – понизив голос, произнес мастер, когда Кузнецов усаживался в автомобиль. У парня был такой вид, словно он сообщал Владимиру некую страшную тайну, за распространение которой грозит неминуемая смерть. – У этих моделей все коробки – говно».

Владимир сдержанно улыбнулся, пообещав, что примет во внимание сей непреложный факт.

«Нужно заехать за игрушкой Насте», – мелькнула у него мысль. Он потер покрасневшие от недосыпа глаза.

Конечно. Сегодня он точно это сделает.

Его выбор остановился на роликах (Настя давно канючила, выпрашивая их) с полной защитной экипировкой к ним – шлемом, наколенниками и налокотниками.

Проезжая мимо подземного перехода, нога Кузнецова неожиданно нажала педаль тормоза. Зашипели покрышки, «Лексус» послушно остановился. Владимир смотрел на уходящие вниз ступеньки, чувствуя, как где-то глубоко внутри у него что-то царапнуло, и он почему-то подумал о котенке, который случайно зацепился коготочком за диванную подушку.

Ребенок, девочка.

Интересно, они так и сидят в переходе? Тот, вчерашний бомж с малышкой?

«Нужно было позвонить куда-нибудь, – внезапно подумал он и в какой-то момент мужчина испытал нечто похожее на угрызение совести. – В полицию, больницу, например…»

Перед ним вдруг ясно встала ужасающая картина – этот вонючий алкаш с оплывшей рожей, получив вчера от него деньги (угробленный на заводе позвоночник у него, конечно же, чудесным образом, излечился), наверняка помчался в ближайший магазин за бутылкой, оставив кроху одну в загаженных тряпках. А потом этот козел напился в хлам, начисто забыв о девочке, и она осталась одна в подземном переходе.

Теперь ему было по-настоящему стыдно. Стыдно и страшно.

Я пошел домой, даже не обернувшись. В теплую квартиру, где меня ждал ужин и семья. А малолетняя девочка осталась фактически на улице. Полуголая, наверняка голодная. Им и идти-то, наверное, некуда…

Владимир чуть ли не бегом бросился вниз.

Из его груди вырвался вздох облегчения, когда он увидел знакомую фигуру вдали. Клошар сидел в точно такой же позе, в которой находился вчера вечером.

Владимир остановился возле них, выискивая среди рваной одежды девочку. Он приподнял край старого заплесневелого пальто и увидел головку ребенка, обрамленную светлыми волосами. Несмотря на то, что они буквально лоснились от грязи, Владимир не сомневался, что после хорошей ванны и сушки эти волосы будут необычайно красивыми.

Бездомный и его дочь спали.

Кузнецов присел на корточки, с трудом преодолевая брезгливость – вонь от тряпок шла несусветная.

Ему почему-то захотелось дотронуться до щеки девочки, но он боялся реакции разбуженного ребенка.

(папа)

Владимир с отвращением взглянул на нищего. Ему даже не хотелось допускать мысли о том, что это спившееся ничтожество является отцом или еще каким-либо родственником малышки.

Он повнимательнее взглянул на бомжа и нахмурился. Неподвижно застывшее тело и слегка приоткрытый рот мужчины показались ему неестественными. Неестественными для…

(для живого человека)

Владимир сглотнул и огляделся по сторонам. Взгляд остановился на разжатой ладони попрошайки, в липких разводах и ссадинах. Преодолев брезгливость, он опустил пальцы на кисть мужчины, нащупывая пульс. Рука была холодной.

Сзади раздались детские голоса, к которым примешивался женский. Мать с детьми.

– Мама, а что это дядя делает? – полюбопытствовал мальчик, толкая перед собой самокат.

– Идем быстрее, – напряженно сказала женщина. Девочка в коляске что-то агукнула, и ее брат засмеялся.

Вскоре их шаги затихли, и Кузнецов встал на ноги. Они слегка дрожали.

Нищий был мертв.

Взор Владимира метнулся к девочке. Улыбаясь, она смотрела на него.

– Как тебя зовут? – спросил он, ощущая какую-то странную беспомощность. Девочка молчала, лишь на ее губах играла легкая улыбка. Она вылезла из тряпья и теперь доверчиво смотрела снизу вверх на мужчину.

Мимо прошли два подростка. Громко обсуждая сексуальные достоинства какой-то знакомой девушки, они даже не замедлили шаг.

(папа)

Владимир моргнул. Ему почудилось, или кроха снова произнесла это слово?

Ее нужно забрать отсюда.

Кузнецов достал мобильный телефон. Стараясь не смотреть на ребенка, который не сводил с него полного надежды взгляда, он позвонил в «Скорую» и сообщил о происшедшем. Потом, вспомнив о мертвом соседе девочки, сделал точно такой же звонок в полицию.

– Папа, – отчетливо прошептала малышка. Откуда-то из лохмотьев она извлекла почерневшего от грязи плюшевого зайца, уши которого тоскливо болтались угрюмо-рваными мочалками. Она прижала игрушку к себе, и Владимир неосознанно подумал о подарке для Насти. Бог ты мой… И это игрушка для девочки?! Драный, вонючий комок плюшевого дерьма?!

– Это твой папа? – спросил он, указывая на труп.

«Сейчас она увидит… и очень быстро поймет, что случилось с ее папой».

Но девочка даже не взглянула на мертвое тело, она вообще вела себя так, словно этого дурно пахнущего мужика никогда и не существовало. Она протянула к нему худую ручку, словно прося о помощи, но Кузнецов непроизвольно шагнул назад.

«Нет. Если ты возьмешь ее на руки, она ни за что не захочет слезть обратно вниз».

Кроха потянулась к нему, жалобно похныкивая, и Владимир чувствовал, как в горле у него увеличивается плотный ком, затрудняющий дыхание. При этом в нем росло понимание, что этот случай ничего не значит в его жизни. И вряд ли что-то изменит. Подумаешь, маленькая бездомная девочка… таких сотни по стране, если не тысячи. Сейчас сюда приедут представители специальных

служб, и ее увезут в детский приют… А он пойдет домой и через три дня даже не вспомнит об этой истории.

Он понимал это. Но почему-то глубокий взгляд широко раскрытых глаз крохи, глаз, в которых светилось умытое летним дождем небо, опровергал эти мысли, и Владимир уже знал точно – он не забудет этот случай.

Так они и стояли друг перед другом. Владимир кусал губы, ежеминутно поглядывая на часы – ну где же эти врачи-оболтусы?!

Когда приехала «Скорая», девочка заплакала. Горько и безутешно, она размазывала по чумазому личику слезы, протягивая к нему свои тоненькие ручки-палочки. Владимир стоял в стороне, тупо уставившись на спортивные кроссовки одного из санитаров. Кузнецов внезапно подумал, что эти кроссовки выглядят чуждо и странно в этом уныло-грязном переходе, наверняка им было бы больше по душе гонять мяч по траве.

«Что-то я стал излишне сентиментальным».

Ни с того ни с сего он почувствовал себя предателем. Развернувшись, он поплелся наверх. Сев в машину, Владимир медленно тронулся с места. В мозгу, пульсируя, все еще болезненно резонировал плач незнакомой малышки.

Ему казалось, что за эти минуты, которые он провел в переходе, жизнь забрала у него пару десятков лет. Таким разбитым он себя давно не чувствовал.

Ирине подарок для Насти понравился.

– Надеюсь, ей все подойдет, – с надеждой сказала она.

– Ты же мне эсэмэс присылала с размерами, я по ним и выбирал, – произнес Владимир, думая о своем.

Они поцеловались, и он нежно погладил живот супруги.

– Как мы сегодня себя чувствуем? – спросил он. – Пока еще не толкается?

– Утром пихнулся два раза, – улыбнулась Ирина. – А чувствуем мы себя великолепно. Думала, как мы назовем нашего малыша.

– Во как! Что, уже выбрала конкретное имя?

– Арсений, – произнесла она немного смущенно, и щеки женщины слега заалели, будто бы она волновалась, что супругу это имя может прийтись не по душе. – Как тебе?

Владимир обнял жену.

– Знаешь, самое поразительное, что именно так хотели назвать меня мои бабушка с дедушкой, – сказал он. – Но родители настояли на «Вове». Арсений? Мне нравится. Я – за.

За ужином Настя все время крутилась – ей не терпелось вернуться в комнату, где ее ждал новый альбом-раскраска. Наконец, запихнув в себя последний кусок котлеты, она убежала, забавно подпрыгивая. Владимир включил телевизор, поймав новостной канал.

– Ты сегодня задумчивый какой-то, – заметила Ирина.

– Правда? Устал немного, – рассеянно ответил Кузнецов, ковырнув вилкой остывающее пюре. Из головы не выходило мокрое от слез личико несчастной бродяжки, которую он снова сегодня встретил.

(папа)

Помедлив, он рассказал все Ирине. Жена отреагировала предсказуемо, впрочем, по его мнению, как и подавляющее большинство людей.

– Какой кошмар, – сказала она, начиная собирать посуду.

И все.

Началась реклама, по окончании которой стали передавать выпуск чрезвычайных происшествий.

Владимир с опустошенным видом отодвинул в сторону почти нетронутую тарелку. Затертая до дыр фраза «какой кошмар» как реакция на шокирующую информацию почему-то всегда вызывала у него скепсис. Сейчас же после слов жены по неизвестной причине он испытал глухое раздражение, отчего даже немного испугался. Что это с ним?

«Ирина, она же ничего не поняла».

Это правда. Она не видела эту кроху, спящую в провонявших тряпках. Она не могла чувствовать то, что чувствовал он, молча глядя, как она с надеждой в глазах тянет к нему свои тоненькие, как палочки, исцарапанные ручонки.

«Успокойся. Ты действительно устал».

Да.

– Ты ничего не поел, – встревоженно сказала Ира, когда он передал ей тарелку.

– Перед выездом на работе чаем с тортом угостили, – соврал Владимир. – Лаборантка одна перед отпуском проставлялась. Извини, что сразу не сказал.

– Ты мне смотри там… тортики с лаборантками…

Кузнецов уже хотел сострить, но его перебил доносящийся с экрана телевизора голос диктора:

– …серьезное ДТП на пересечении улицы Лобачевского и Мичуринского проспекта… карета «Скорой помощи» потеряла управление… несколько раз перевернулась, после чего автомобиль загорелся…

Владимир медленно повернул голову, забыв обо всем на свете. Ира о чем-то спрашивала его, но он не слышал жену.

– …сидевшего рядом с водителем, выбросило через лобовое стекло. Он скончался до приезда своих коллег… Водитель заживо сгорел в машине…

На экране мелькнуло распростертое тело погибшего, под которым темнела лужа крови. Очевидно, во время аварии один кроссовок с бедолаги слетел, и Владимир безмолвно взирал на оставшийся предмет обуви.

Белый спортивный кроссовок.

Сводки жуткого ДТП сменили новости о родителях-садистах, моривших голодом своих детей, но перед его глазами пульсировал кадр, запечатлевший белый кроссовок.

Он выключил телевизор, только сейчас поняв, что Ирина давно ушла с кухни.

Почему ничего не было сказано о ребенке?! О девочке, которую увезла «Скорая»?! Что с ней-то?!

«Ничего. В смысле, ничего страшного» – успокаивающе произнес внутренний голос. «Они отвезли ее в больницу и поехали по другому вызову»…

Конечно. Вполне могло быть и так, но отчего-то эта версия казалась Владимиру неправдоподобно хрупкой, словно шаткий карточный домик. Уж слишком мало времени прошло с тех пор, как ребенка забрали врачи.

Он попытался себя убедить в том, что на каком-то кроссовке свет клином не сошелся (мало ли врачей носят спортивную обувь?), но и это почему-то не успокаивало, все было бесполезно. Так же бесполезно, как и отвечать себе на вопрос, почему его так волнует судьба чужого

(папа!)

ребенка.

– Может, ее никуда и не увозили, – неожиданно вслух произнес он. – Этот колдырь не умер, я просто ошибся, когда щупал у него пульс. Он проснулся и поднял хай, когда увидел, что девочку хотят забра…

«Бред. И тебе об этом известно», – внутренний голос быстро прервал его раздумья.

Лежа в кровати, он неожиданно спросил Ирину:

– Знаешь, мне вот тут недавно подумалось… Если бы мы не могли иметь детей, ты согласилась бы на усыновление?

Жена удивленно взглянула на него.

– Почему ты спрашиваешь? У нас прекрасная дочь. И скоро будет сын!

– Я все понимаю, – мягко сказал Владимир. – И тем не менее. Знаю, ты очень хотела ребенка. Предположим, все эти ЭКО и прочие современные средства забеременеть не дали результата. Как ты думаешь, смогли бы мы?..

– Не знаю, – после недолгого размышления ответила Ирина. – Да, мне жаль этих несчастных малышей в приютах, но, Володя, чужой ребенок всегда будет чужим. Вспомни, с каким трудом нам далась Настюша.

Да, Владимир помнил. Еще бы не помнить – роды Ирины оказались неожиданно сложными, настолько, что даже потребовалось его присутствие.

– Я не уверена, что у меня хватит мужества и силы воли, чтобы относиться к нему как к родному. Не знаю, – повторила она и провела указательным пальцем по груди супруга. – Иди ко мне.

– Настя спит? – полюбопытствовал Кузнецов, но она уже закрыла его рот поцелуем.

21 апреля, среда, 00.25

После секса Ирина завернулась в одеяло и мгновенно уснула. Владимиру снова не спалось. Он проворочался в кровати час, сходил на кухню, попил воды, заглянул в туалет, но, поняв, что его мочевой пузырь еще не готов избавиться от содержимого, уныло вернулся в спальню.

Проклятый кроссовок не выходил из головы.

Неужели девочка тоже погибла при аварии? А если нет, почему о ней не было сказано ни слова в сводках?!

Кузнецов задремал лишь к трем часам утра, и ему приснился странный сон.

Он у себя в операционной комнате. На лице маска, руки в перчатках.

«Ты готов?» – скрипит чей-то неприятный голос. Как будто кто-то вилкой по стеклу водит, и этот невыносимый звук вспарывал мозговое вещество.

– Готов, – хочется крикнуть ему, но из глотки рвется сиплый свист, мало чем отличающийся от мерзкого голоса. Пот застилает глаза, но вытереть некому – он один. За дверью какая-то возня – похоже, подвезли пациента для операции.

Владимир оглядывается на разложенные инструменты, и ему становится не по себе. Вместо скальпеля, зажимов и прочих необходимых приборов для операции на грязном полотенце лежит здоровенный кухонный нож, поблескивая свежей кровью. Владимиру даже чудится, что от крови вьется пар, словно нож только что вынули из еще живой плоти.

Дверь открывается, и к столу не спеша подъезжает каталка. На ней что-то бесформенное, накрытое простыней, сквозь которую проступают грязно-желтые пятна гноя.

Владимир хочет возмутиться, но он просто сбрасывает простыню. Среди груды зловонных лохмотьев лежит девочка. Та самая, светловолосая. На ней нарядное голубое платье, из-за спины виднеются полупрозрачные крылышки. Лобик крохи облегает тонкий обруч с двумя усиками-антенками. Бабочка. Милая, сказочная бабочка.

– Почему ты называла меня папой?

Девочка улыбается.

– Потому что ты мой папа, – с присущей детской непосредственностью отвечает она. – Только сегодня я – бабочка. А ты – мой заяц. Иди ко мне, мой зайчонок.

Владимир хочет улыбнуться в ответ, но улыбка гаснет, не успев появиться. Его пугает белизна кожи девочки, ее остекленевшие, круглые, как шарики, глаза. Лишь только рот открывается и закрывается, словно у послушной куклы. Перед ним живой труп.

– Мой заяц, – хрипло шепчет девочка. – Мне сегодня уже десять лет, папа. Помнишь?

Владимиру трудно дышать. Он срывает маску и, ударившись о стол (окровавленный нож с лязгом летит на пол), бредет к выходу.

– Ты еще успеешь спасти меня, – клокочет сзади труп в платье-бабочке. – Спаси меня. Куда ты?

У выхода зеркало. Владимир ловит свое отражение и отшатывается. Что это с ним?! Он осматривает себя, потом ощупывает. На нем костюм какого-то дурацкого зайца – подобных анимешных зверьков часто можно встретить на новогодних шоу. Только его костюм был грязным, свалявшимся, скверно пахнущим, как то тряпье, в котором сидит

(дочь)

девочка, а свисающие уши все в засаленных колтунах. И кровь, кровь повсюду, словно вместо операции он несколько часов забивал скот.

– Мой заяц, – поет мертвый ребенок, начиная приподниматься с каталки. Крошечные пальчики с сухим хрустом сжимаются и разжимаются. – Мой милый зайчик.

Владимир скинул с себя одеяло, тяжело дыша. Рядом сонно повернулась на другой бок Ирина.

Кузнецов с трудом спустил ноги вниз. Его трясло, как после глубочайшего похмелья. Господи.

Как он мог забыть об этом?

Он проковылял в ванную и брызнул на лицо холодной водой.

Вернувшись в комнату, взял с тумбочки часы. Полпятого.

Сегодня он уже не заснет, это точно. Тем более все равно через пару часов вставать на работу.

Тихо, стараясь не разбудить жену, Владимир вышел в прихожую. Ему нужно проветриться.

«Ты же знаешь, куда собрался. Тебе нужно другое».

Ему не понравился этот вкрадчивый голос, прозвучавший в его сознании – он был похож на тот, который разговаривал с ним во сне.

– Я. Я просто покатаюсь, – пробормотал он, заводя «Лексус».

Через полчаса Владимир был на месте аварии.

Он поежился, увидев, что осталось от покореженной остановки. Судя по всему, следы страшного ДТП убирали наспех, и кое-где еще валялись осколки стекла. Асфальт чернел от копоти, он все еще источал запах гари.

Кузнецов бесцельно бродил вокруг, пытаясь привести в порядок свои мысли.

Нет, ему определенно нужно отдохнуть. В отпуск, да-да, именно в отпуск. И не просто поваляться на диване, задрав ноги перед телевизором, а куда-нибудь на море. Подальше, в Доминикану куда-нибудь. Его нервы уже ни к черту.

«Мне все показалось. Не было никакой девочки. Никакого бомжа в переходе».

Он повторял про себя эти слова, как мантру, и настроение его постепенно улучшалось.

Город быстро просыпался, стряхивая с себя чешуйки ночного сна. Мимо проехала поливальная машина, и Владимир проводил ее ничего не выражающим

взглядом.

Нужно ехать на работу.

Он уже собирался сесть в автомобиль, как внезапно сердце его совершило невообразимый кульбит, гулко ударившись в грудную клетку.

Заяц. Идиотский плюшевый заяц, совершенно черный от сажи, он валялся у бордюра.

«Он полз к машине. Хотел залезть внутрь» – захихикал голос, и Владимир громко выматерился, с силой наподдав ногой по грязной игрушке. Та отлетела в сторону, с чавканьем шлепнувшись на асфальт. Издали этот заяц больше смахивал на дохлую крысу.

(Ты еще успеешь спасти меня)

Кузнецова передернуло. Он включил зажигание, и «Лексус» быстро уехал прочь.

Домой он вернулся в дурном расположении духа. Сегодня было три операции, и две из них могли закончиться весьма плачевно, причем исключительно по его вине. От третьей он отказался сам, ссылаясь на неважное самочувствие. Хотя, по сути, этим отказом он расписался в собственной профнепригодности. Хреново себя чувствуешь – бери больничный и сиди дома. Или завязывай с хирургией. Ты не на почте грузчиком работаешь, цена ошибки на операционном столе может стать заоблачной.

Кузнецов ненавидел сам себя. Он, опытный хирург, чуть было не запорол такие пустяшные операции?! Это просто везение, что ему ассистировал второй врач, и все обошлось малой кровью. Ха, в прямом и переносном смысле.

Ирина с Настей были у родителей жены, и Владимир некоторое время машинально бродил по комнатам, шаркая тапками по ламинату. Зайдя в детскую комнату, он обратил внимание на кроватку, которую они приобрели на прошлой неделе для Арсения, и его лицо озарилось улыбкой.

Ничего, все будет замечательно. Он просто перегрузился на работе. Устал попросту.

Кузнецов пожарил яичницу с помидорами и без особого аппетита поужинал. Позвонил Ирине, она сообщила, что они уже выезжают.

Покидав грязную посуду в раковину, он вошел в спальню.

Весь день он думал о событиях пятилетней давности. Ведь именно то, что происходит с ним за последние пару дней, неразрывно связано с той ночью. Этот жуткий сон… Неожиданно Кузнецова посетила мысль, что он, по сути, не знает никаких подробностей того случая. Правду о котором он не стал бы рассказывать никогда и никому, даже под дулом приставленного пистолета. Клятва Гиппократа, как же…

Но как узнать все это сейчас?! Ведь прошло почти пять лет.

(Макс. Макс Логвиненко)

Точно, Макс. Он как-то оперировал супругу этого крепкого, сорокалетнего мужика с вечно хмурым выражением лица, и тот клятвенно заверил Кузнецова в готовности оказать посильную помощь (разумеется, при необходимости). Сейчас это было как нельзя кстати – раньше Логвиненко трудился в уголовном розыске, после чего организовал собственное детективное агентство. Он-то уж точно сможет посодействовать.

Кузнецов шагнул к окну и отодвинул штору. Малышни на детской площадке, которая была видна из комнаты, было немного – сумерки постепенно окутывали двор. Молодые мамы не без труда вытаскивали из песочницы и снимали с горок своих карапузов, уводя их по домам, и вскоре площадка опустела. Владимир уже хотел задвинуть штору обратно и включить телевизор, как вдруг его дыхание перехватило, он судорожно вздохнул.

Качели. Как он сразу не разглядел? На качелях остался ребенок. Взрослых рядом не было, и это было более чем странно.

Он потер глаза.

Девочка на качелях. Грациозно изгибаясь, она вытягивала и поджимала ножки в голубых туфельках, раскачиваясь. Вперед-назад, вперед-назад.

Она сидела спиной к Владимиру, но почему-то у мужчины не было желания взглянуть в лицо ребенку.

«Это она»

Он снова потер глаза, так, что ему стало больно.

Девочка не исчезла. Внезапно ее голова повернулась на сто восемьдесят градусов, как у совы. Нежное лицо словно ланцетом рассекла хитрая ухмылка, столь несвойственная маленькой девочке.

Кузнецов попятился назад, и, споткнувшись о кровать, больно ударился бедром.

Кривясь от боли, он направился к выходу. К чертям собачьим. Он выяснит это все и прямо сейчас.

Он выскочил на улицу, и, обогнув угол дома, оказался на площадке.

Никого.

Взгляд остановился на качелях. Они едва вибрировали, словно тот, кто там сидел недавно, ушел буквально за секунду до появления растерянного мужчины.

Сам не зная зачем, Владимир подошел к качелям и потрогал сиденье. Оно было прохладным, как обволакивающий город вечер.

«Правильно. Мертвые не дают тепла» – усмехнулся до боли знакомый голос, и он стиснул зубы так, что заныла челюсть.

В этот вечер он напился. Впервые с той самой ночи. И когда Ирина с Настей приехали, он уже валялся в беспамятстве на диване, даже не раздевшись.

22 апреля, четверг

– Мне сегодня нужно сделать УЗИ, – сказала утром Ирина. Она и словом не обмолвилась насчет того, что Владимир вчера сорвался. Тот, чувствуя себя виноватым перед женой, торопливо сказал:

– Я отвезу тебя.

Всю дорогу они молчали, лишь когда подъехали к медицинскому центру, Ирина прильнула к нему:

– Люблю тебя. Хочу, чтобы в нашей семье все было хорошо. Не делай больше так.

– Так все и будет, – ответил Кузнецов, но голос его предательски дрогнул.

Что-то идет не так. Где-то что-то в их размеренной и счастливой жизни надломилось, треснуло. Это как если бы красивое, сильное и высокое дерево начало медленно усыхать – а причиной тому мелкие жучки, поселившиеся под корой. И его вчерашняя пьянка – лишь первая ласточка. Нужно принимать какие-то меры.

– Я могу присутствовать? – осторожно поинтересовался он, и Ирина кивнула:

– Вообще-то я в этом и не сомневалась. Это ведь наш сын.

Полноватая врачиха одарила их формальной улыбкой и предложила Ирине лечь на кушетку, после чего начала обильно смазывать ее округлившийся живот гелем.

(Люблю тебя).

Неожиданно Владимиру тоже захотелось сказать Ирине, что он ее любит. Ее и Настюшу. Безумно любит. Он уже открыл рот, но осекся – на экране появилась картинка. Сейчас он увидит своего сына, сантименты будут после.

Кузнецов вытер лоб, тыльная сторона ладони оказалась мокрой от пота.

Датчик-излучатель внезапно пискнул. Лицо врачихи переменилось, и она, уже намеревающаяся повернуть экран в сторону беременной супруги, резко

подалась назад. Рука ее между тем продолжала медленно водить датчик по липко-блестящему животу Ирины.

– Что-то не так? – хрипло спросил Владимир.

– В чем дело? – встревоженно заговорила Ирина.

Врачиха закричала. От датчика пошел едкий дым.

Кузнецов еще раз взглянул на экран и замер. Грудь рвалась от дикого, животного вопля, но он молчал, бледнея, как мел. Кричать не было сил.

Вместо плода на экране копошилось какое-то нечеловеческое существо с тонкими нитями-щупальцами, вроде паука или осьминога. Они плавно извивались, как стебли водорослей под воздействием подводного течения, а шесть крохотных глаз чудовища злобно пялились на Владимира.

Ирина засмеялась. Владимир поднял на нее глаза. Почему-то на ней оказалось голубое платье, а из-за спины выглядывали полуовальные прозрачные крылышки. И эти усики над головой.

Бабочка.

– Мне скоро исполнится десять лет, – сказала его супруга детским голосом, и ее вздутый живот пошел крупными буграми. То, что находилось внутри его

(дочки)

жены, отчаянно рвалось наружу.

Потом все померкло.

– Проснись! – крикнула Ирина, склонившись над кроватью. Владимир разлепил глаза. Снова сон?!!

– Фу, ну и перегар, – сморщилась она. – Кузнецов, что с тобой?! Как ты объяснишь вчерашнее?!

– Все нормально, – едва ворочая языком в пересохшей глотке, выдавил он. Голову словно сунули под громадный пресс. Ему казалось, еще чуть-чуть, и она расколется, как гнилой арбуз. В памяти всплыл шестиглазый мутант с щупальцами. – Ира… У тебя все хорошо?

– У меня – да, – она сверкнула глазами. – А у тебя, судя по всему, не очень.

Владимир откашлялся.

– Позорище… – бросила Ирина. – Настя все видела. Сходил бы в ванну!

Стоя под ледяными струями воды, Владимир снова подумал о Максиме.

Вечером он позвонил Логвиненко.

– Макс, привет! Давно не виделись!

– Володя, здравствуй! Говори быстрее – я на встрече.

– Гм… у тебя адрес «мыла» все тот же? – поинтересовался Владимир.

– Да.

– Я сегодня отправлю тебе письмо. Необходима твоя помощь.

– Что-то случилось? – насторожился детектив.

– Пока нет, – вздохнул Владимир. – Но мне срочно нужна информация по одному делу. Все, что есть.

– Присылай исходные данные. Я позвоню.

– Я у тебя в долгу.

– Ладно, сочтемся, – усмехнулся Максим и отключился.

Какое-то время Владимир молча изучал трубку, пока экран не окрасился черным.

Он зашел в комнату к дочери. Настя с увлечением листала «Волшебник Изумрудного города» – она обожала книги из этой серии и могла пересматривать их до бесконечности.

Глядя на ее затылок со смешно торчащими хвостиками, на ее худенькие плечики, Кузнецова вдруг захлестнуло ни с чем не сравнимое чувство любви к своему ребенку.

Он осторожно приблизился к девочке и ласково обнял ее.

– Папа, – улыбнулась Настя, оторвавшись от книжки.

– Настеныш, – он крепче прижал к себе крохотное тельце дочки.

– А вы мне приготовили подарок? – хлопая ресницами, поинтересовалась Настя, и отец усмехнулся:

– А как же. Это ведь твой праздник скоро будет, да?

– Да, – ответила девочка, и по ее розовым губкам скользнула странная улыбка. Она медленно повернулась к книге, словно давая этим понять, что на этом разговор окончен. Владимир озадаченно потер переносицу. Что-то во взгляде дочери ему показалось… Эти глаза.

Глаза?

Он подошел к двери и еще раз посмотрел на дочь. Моргнул.

В какую-то долю секунды его накрыло жутковатое предчувствие – вот сейчас голова Насти развернется, как у той девочки на качелях в платье-бабочки…

«Я люблю тебя», – мысленно произнес он, и тихонько затворил за собой дверь.

Он обхватил голову руками. Похмелье, которое словно консервным ножом безжалостно вскрывало его черепную коробку все утро, только сейчас начало нехотя отступать. Но отходняк был чудовищно медленным и болезненным, будто на открытой ране елозила черепаха, никак не желающая уползать с понравившегося места. Это было предсказуемо – его организм отвык от алкоголя, и принятая вчера доза закономерно привела его к такому результату. Пришлось даже взять отгул.

Надо все рассказать.

Да, пожалуй, так будет лучше. Иначе он просто сойдет с ума.

Он вошел на кухню. Ноздри резанул запах химии – Ирина смывала с ногтей старый лак.

– Ты ничего не хочешь мне сказать, Володя? – негромко спросила она, не отрываясь от дела.

– Я… – Кузнецов сглотнул подкатившийся к глотке вязкий комок слюны. – Ира, я хочу с тобой поговорить.

– Давай, – черты лица женщины затвердели.

Ее напряженная поза и каменное выражение лица неожиданно натолкнули Владимира на мысль, что… жена подозревает его в измене.

Он присел на стул и, набрав побольше воздуха в легкие, спросил:

– Ты помнишь, что случилось, когда ты рожала Настю?

Ирина едва заметно кивнула, отложив в сторону ватку. Владимир непроизвольно взглянул на руки жены – ногти на правой были ею покрыты начинающим облезать лаком, между тем как ноготки левой руки были нежно – розового цвета.

– Еще бы не помнить. Шея нашего котенка была обернута пуповиной. Акушерка едва справлялась. И кроме медсестры, которая пять минут назад закончила техникум, и тебя, принявшего на грудь, в больнице никого не было.

Владимира кольнули слова супруги насчет «принявшего на грудь», но это было правдой. Он вздохнул.

– В больницу привезли девочку. Одновременно с твоими родами.

– Я это тоже помню.

Кузнецов вдруг уставился на живот Ирины. Что?..

– Привезли девочку… – оцепенело повторил он. Ему показалось, или под материей халата что-то шевельнулось?

(щупальца)

– Ну? Продолжай, – тихо сказала Ирина. Она отложила ватку, смоченную раствором, и принялась медленно поглаживать живот. Владимир поднял глаза, перехватив напряженный взгляд супруги. Затем она внезапно расслабилась, хитро улыбнулась, подмигнув при этом, и он вздрогнул, как если бы она выплеснула ему в лицо из бутылочки жидкость для снятия лака.

«Она все знает» – мысль щелкнула в его мозгу яркой вспышкой. «И всегда знала, что я тогда сделал!»

– Что с тобой, Володя?

«Я знаю, какое решение тебе пришлось принимать» – прочитал он в ее глазах. «Но это никогда не оправдает твой поступок»

– Ты… делала УЗИ? – спросил Владимир, едва слыша собственный голос. Он не знал, зачем решил сменить тему, но желание говорить о событиях пятилетней давности исчезло напрочь.

– Да, все в порядке, – ответила Ирина как ни в чем не бывало. Она отвернулась от него, принимаясь за вторую руку. Казалось, она совершенно потеряла интерес к мужу. Кузнецов был в смятении.

«Она какая-то не такая» – заскреб над ухом ненавистный голос. «Она и твоя дочь. Кстати…»

Да, кстати…

Он не без труда поднялся со стула и побрел в спальню.

Там, в детской.

Тогда, глядя на дочь, которая оторвалась от книжки и внимательно смотрела на него, он был готов поклясться, что смотрит на ту самую девочку из подземного перехода.

Этой ночью Ирина впервые за долгие годы легла спать отдельно. До этого нечто подобное было только однажды, после какой-то глупой ссоры. Что же произошло сейчас?!

Она просто легла почитать в гостиной, а когда Владимир, заждавшись, вышел, чтобы позвать ее, то с изумлением обнаружил, что Ирина давно спит, укрывшись одеялом до самого носа. Кровать была приготовлена ко сну.

Он вернулся в спальню.

(она изменилась)

«Может, это с тобой что-то не так?» – холодно полюбопытствовал внутренний голос.

– Я в порядке, – прошептал Владимир. – Я в полном порядке. Я просто хочу, чтобы у нас в семье все было хорошо.

Сон не шел. Ему было непривычно одному в этой кровати, которая вдруг стала такой громоздкой и неуютной.

Нужно пойти к Ирине. Разбудить и сказать, чтобы шла спать сюда.

Владимир спустил ноги вниз, нащупывая ступнями тапки. Он чувствовал себя идиотом, путаясь в догадках, почему такая мысль не пришла ему раньше, еще когда он увидел жену спящей.

Кузнецов уже намеревался осуществить задуманное, как с улицы донесся звук, заставивший его похолодеть. Едва слышное звяканье цепей. Словно кто-то, скованный кандалами, медленно приближался к их дому.

«Это не кандалы» – пронеслось у мужчины. – «Это качели, мать их».

Взад… Вперед… Вверх… Вниз…

Коленки задрожали, и ноги моментально превратились в бескостные рыхлые отростки.

– Я не пойду туда, – глухо проговорил он. – Я лягу спать и закроюсь одеялом.

«Только вряд ли это поможет» – ворвался в мозг голос из сна. Вилка и стекло, прекрасное сочетание. Скрип-скрип.

Владимир потащился к окну, и, облизнув пересохшие губы, отодвинул шторы.

Она была там. Голубая бабочка на качелях. Ее искусственные крылышки излучали фосфорно-зеленоватое свечение, и, как показалось Владимиру, слегка шевелились, будто девочка действительно намеревалась подняться ввысь.

«Она собирается взять разгон»

– Убирайся, – процедил сквозь зубы Владимир. – Убирайся, сука. Тебя нет. Ты умерла.

Девочка засмеялась, и ее некогда голубые глаза неожиданно вспыхнули двумя яркими рубинами, будто бы в ее глазницах были вдавлены потухшие угольки и ночной ветерок вдохнул в них новую жизнь.

Из-за облаков мертвенно-бледной монетой выглянула луна, осветив детскую площадку, и Владимир зажал рукой рот, чтобы не закричать. На качелях сидел труп. Детское платьице болталось на нем, как тряпка на огородном пугале, крылышки за спиной гулко синхронно хлопали, словно паруса на волнах. Гниющая кожа слезала лохмотьями, безгубый рот-щель был приоткрыт, словно трещина в гнилой доске.

«Где мой заяц, папа?»

Владимир отшатнулся от окна. Голос прозвучал прямо над ухом, словно это страшилище незаметно подкралось сзади.

– Тебя нет, – замотал головой Владимир.

Качели остановились, и существо тяжело, словно студень, сползло вниз. Кряхтя, оно медленно поволоклось к подъезду.

(Где? Где мой заяц?!)

«Я хочу познакомиться с моей сестренкой».

«Оно растет» – в священном ужасе подумал Владимир. Зрение не обманывало его – тварь постепенно увеличивалась в размерах, отчего нарядное платье затрещало по швам, ее конечности с хрустом вытягивались, а туфельки лопнули, не выдержав давления разросшихся стоп. Только сейчас он разглядел, что в животе мертвеца торчал огромный нож, загнанный по самую рукоятку.

Оно задрало морду. Глаза-угольки тускло мерцали.

«Я уже взрослая, папа. Ты не забыл, что мне скоро десять лет? В это воскресенье?»

Существо вытащило нож из раны, выпуская наружу ворох извивающихся личинок. После этого, освободившись от рваного платья, словно это была отмершая кожа, монстр проковылял в подъезд.

С губ Владимира сорвался стон. С вытаращенными глазами и ухающим сердцем он понесся к двери. Проверил все замки (руки, еще никогда его руки так не тряслись от страха!), затем приник к глазку. Тихо.

Позвонить в полицию?

«И что я скажу?» – Владимир взъерошил мокрые от пота волосы. – «Меня тут же в дурку упекут!»

Он стал глубоко дышать, пытаясь унять сердцебиение.

Снова осторожно посмотрел в глазок. Флуоресцентные лампы монотонно гудели, равнодушно освещая пространство этажа.

– Это бред, – вполголоса произнес он. – У меня галлюцинации. Ничего такого… ничего такого не может быть в принципе!

«Выпей» – ласково посоветовал ему противный голос. «Выпей, и сразу полегчает, парень».

Кузнецов провел кончиком языка по шершавым губам.

Выпить. Отличная мысль, чувак.

Покачиваясь, он прошел на кухню. Достал из морозилки припасенную бутылку.

– Я тебе не отец, – бормотал он, срывая крышку. – Ты мне не дочь, а я тебе не отец, так вот.

Наконец с крышкой было покончено, и он сделал огромный глоток. Живот тут же скрутило, внутри расцвел огненный шар, и спиртное попросилось наружу. Владимира вырвало прямо на пол.

– Ты сдохла, – давясь рвотой, прохрипел он. – Там, на операционном столе. Пять лет назад!

(ты не забыл, что мне скоро десять лет?)

Дерьмо.

Подождав, пока желудок отпустит, он вздохнул и предпринял еще одну попытку. На этот раз все прошло удачно. Через минуту он повторил.

Хмель быстро ударил в голову. Кузнецов кое-как убрался на кухне и нетвердой походкой прошлепал в спальню.

Посмотрел в окно. Конечно же, там никого не было.

«Там никого и не могло быть, дубина».

Ага, точно.

Он пьяно усмехнулся и лег в кровать.

Все будет в ажуре.

Однако нормально уснуть ему в эту ночь не пришлось.

Страшное произошло буквально сразу же. Во рту еще стоял прогорклый вкус водки, тело было ватным, и веки ни в какую не хотели разлипаться, но мозг уже четко зафиксировал: в доме чужой.

Владимир подскочил в кровати, словно распрямившаяся пружина.

– Ира? – спросил он, выйдя в коридор. Его пятка угодила во что-то липкое, и он сморщился. Включил свет и закричал, увидев на полу грязные следы босых ног. Не ребенка, а подростка, неосознанно отметил он, разглядывая подсыхающую слякоть на ламинате.

Его безумный взгляд метнулся к двери. Распахнута, как орущий в ужасе рот, впуская в квартиру струящийся из подъезда сквозняк.

Следы вели в комнату к дочери.

«Нет».

Кузнецов понесся на кухню, и, схватив разделочный нож, вбежал в детскую.

(Оно там. В кроватке Настюши, оно хочет утащить ее с собой)

От этих диких мыслей у него зашевелились волосы. Он включил свет и бросился к детской кроватке. Пуста.

Владимир в растерянности переминался с ноги на ногу, оглядывая комнату.

– Настя?!

Сзади кто-то негромко захихикал, и он развернулся, выставив вперед нож.

Шкаф, конечно же.

Рука потянулась к дверце.

– Я убью тебя, – сквозь зубы сказал он. – Верну тебя туда, откуда ты пришла.

Смешок повторился, и Кузнецов распахнул шкаф. Слева что-то встрепыхнулось, и он, не думая, взмахнул ножом. Лезвие распороло платье Ирины – ее любимый вечерний наряд.

Никого нет.

– Я не сошел с ума, – задыхаясь, произнес Владимир. Он переворошил все содержимое шкафа. Ни Насти, ни…

(мертвой девочки)

никого другого там не было. И не могло быть.

Он тупо посмотрел на руку, с остервенением сжимающую нож.

(испортил платье жены. Утром получишь п…лей, Кузнецов)

– Но как же следы?! – он замотал головой, словно пытался отрицать очевидное. – Чертовы следы?

(когнитивный диссонанс, парень)

Хихиканье раздалось вновь. На этот раз звук шел из гостиной, и Владимир, не раздумывая, сорвался туда.

Конечно, как он сразу не подумал. Тварь схватила его дочь и потащила к Ирине, чтобы там всех вместе их сожрать…

Оно было там.

Владимир завопил не своим голосом, видя, как разлагающееся существо со спутанными волосами медленно ползет по одеялу к Ирине. Услышав крик мужчины, оно повернулось к нему.

– Это мое, – прохрюкало оно. – Отдай мне их.

Ирина открыла глаза и, завидев Владимира, разразилась истошным криком.

Кузнецов бросился вперед, в неистовстве размахивая ножом.

Ирина швырнула в него подушку, не переставая звать на помощь. Откуда-то донесся перепуганный голосок Насти.

Владимир отшвырнул подушку и прыгнул на кровать. Ирина обнимала плачущую Настю, загораживая ее своим телом.

Он остановился, щурясь от света и удивленно крутя головой по сторонам.

Тварь куда-то исчезла.

– Папа, не надо, – судорожно всхлипывала дочь, вцепившись в ночную рубашку матери.

– Настеныш, – упавшим голосом произнес Владимир. Боже, что происходит? Он поднял глаза на жену. Бледная, с расширенными глазами, она выглядела как привидение.

– Ты сошел с ума, Володя, – заикаясь, с трудом выговорила она. – Не подходи к нам!

– Послушай, я просто увидел…

(что ты увидел?)

– Я…

Кузнецов запнулся, с тревогой прислушиваясь.

Ну да. Как он сразу не догадался?

– Она под кроватью, – хрипло сказал он, неуклюже спрыгивая вниз. – Я знаю…

Он опустился на четвереньки.

– Решила поиграть со мной в прятки? – едва слышно спросил он.

В темноте чувствовался едва различимый запах пыли и… чего-то нехорошего.

(запах протухшего мяса)

Темнота под кроватью студенисто шевельнулась, словно была тающим куском желе. Потом кто-то снова хихикнул.

В тот момент, когда он, сопя от натуги, начал двигать кровать, Ирина обрушила на его затылок тяжелую вазу.

23 апреля, пятница, 7:22

– Эй! Кому говорят! Поднимайся, давай!

Голос был странным, казалось, он был везде, сочился отовсюду, словно клейкий туман, пеленая тяжелым покрывалом.

Владимир открыл глаза. Он попытался приподнять голову и едва сдержал стон – боль была такая, словно в его затылок по самые шляпки заколотили несколько «соток».

– Что случилось? – еле ворочая языком, спросил он.

– Много чего, – насмешливо произнес сержант. Грузный, с мясистыми обвислыми щеками и ноздреватым носом, он напоминал стареющего бульдога. – Тебя посетила волшебная фея.

– Фея, – глупо повторил Владимир и попытался дотронуться до затылка. Это было ошибкой, так как боль вспыхнула с удвоенной силой.

Только сейчас до него стало доходить, что он находится в камере, в простонародье именуемой «обезьянник», и его челюсть медленно опустилась вниз.

Твою налево. Докатился, называется.

– Послушайте, – начал он, но тут же умолк, увидев появившуюся рядом с сержантом Ирину.

– Две минуты, – предупредил он, бряцнув связкой ключей.

Женщина кивнула и шагнула вперед.

– Ира, – тихо проговорил Кузнецов. Его поразило лицо жены – бледное и осунувшееся, словно она не спала несколько суток. Глубоко запавшие глаза излучали невыносимую усталость. – Ира, прости меня.

– Ты помнишь, что ты делал ночью?

Память, как услужливый продавец, мгновенно выдала живописную картину – он с тесаком в руке носится по квартире в поисках девочки, умершей пять лет назад. Ему стало страшно.

(что со мной?!)

В горле запершило, Владимир закашлялся, и это не преминуло отразиться на его многострадальном затылке. Он поморщился.

– Ира… я должен тебе объяснить кое-что. Я был не в себе.

– Это было заметно.

Фраза была произнесена с таким презрением, что он оторопел.

– Это ты меня ударила? – обескураженно спросил он, и Ирина, помедлив, кивнула.

– У тебя был нож в руках. И совершенно безумное лицо. Я боялась за Настю, она очень испугалась. Потом я позвонила родителям. Приехал мой отец, он и вызвал полицию.

– Кто бы сомневался, – буркнул Владимир. Он вцепился в решетку.

– И что дальше, Ира?

– Ничего, – бросила она. – Я не стала писать заявление. Хотя папа уговаривал меня это сделать.

Владимир решил, что с огромным удовольствием съездил бы по физиономии столь «замечательного» тестя.

«Старый мудозвон» – с яростью подумал он. «Все делаешь, чтобы развалить мою семью»

– Девочки-мальчики, время вышло! – гаркнул из окошка «дежурки» обрюзгший сержант.

– Тебя скоро выпустят, – сказала Ирина, делая шаг назад. – Не обижайся на нас. Тебе нужно к врачу, Володя.

– Ира! Мы тогда… – Владимир на секунду запнулся, испугавшись собственных мыслей. – Мы не договорили тогда!

Неожиданно губы Ирины раздвинулись в безжизненной улыбке.

– Успеется, – хмыкнула она.

Кузнецов опешил. Он вновь подумал о том, что, несмотря на прожитые годы, он плохо знает свою жену. Вот и сейчас, у нее совершенно чужое, неузнаваемое лицо.

(щупальца, парень)

Мы ждем ребенка.

«Ребенка ли?» – заскрипела по стеклу до боли знакомая вилка.

– Я люблю вас, – прошептал он.

Ирина сделала еще шаг назад, мягко положив свои ухоженные руки на живот.

«Я знаю» – читалось в ее слегка прищуренных глазах. – «Все знаю, дорогой»

– Я увезла Настю к родителям, – сказала она на прощание. – Тебе лучше побыть одному.

Одному?

«А как же день рождения Насти?!» – хотелось заорать Владимиру. Он чуть не плакал от досады. «Как же наш праздник, который мы так ждали, чертова

сука?!»

(у тебя было безумное лицо)

Он без сил опустился на облезлую скамью, на которой дремал старый бомж.

– Сынок, дай два рубля, – прошамкал дед.

– Что, тоже позвоночник на заводе сломал? – устало спросил Владимир.

– Чего?! – наклонился к нему ближе старик, обдавая вонью давно немытого тела. – Плохо слышу я, сынок.

– Ничего. Погода сегодня замечательная, – процедил Кузнецов.

Он не заметил, как его кулаки сжались сами собой.

24 апреля, суббота, 22:06

Его выпустили только вечером, и пока Владимир добирался домой, наступила ночь.

«Она даже не спросила, как я себя чувствую» – ожесточенно думал он, вспоминая, с каким холодом общалась с ним супруга. «Чуть не раскроила мне череп долбаной вазой! Наверняка сотрясение…»

Войдя во двор, он остановился, глядя на пустующую детскую площадку.

– Ну, где ты? – свистящим шепотом спросил он, глядя на качели. – Где ты, маленькая стерва? Чертова бабочка?!!

Ответом ему был порыв ветра, от которого Кузнецов поежился. Он подошел ближе и толкнул ногой «сидушку» качелей. Цепи звякнули, словно выражая протест против столь пренебрежительного отношения.

– Я видел тебя. Видел, как сейчас вижу эти гребаные качели.

Он дождался, когда качели приняли исходное положение, затем, развернувшись, побрел домой.

Кузнецов не сразу понял, что дом пуст, и лишь потом в его памяти всплыли слова Ирины:

«Я увезла Настю к родителям… Тебе лучше побыть одному».

И в самом деле. Если так продолжится и дальше, ему и впрямь представится шикарная возможность побыть одному, скажем, ближайшие лет двадцать. В сумасшедшем доме. Если он раньше не окочурится от нейролептиков.

«Мне нужно обратиться к специалисту. К психологу»

Неожиданно от этой простой мысли Владимиру стало легче, и на его похудевшем, небритом лице даже возникло нечто похожее на улыбку. Наверное, точно так же чувствуют себя в обществе анонимных алкоголиков – вроде ты еще не избавился от пагубного пристрастия к выпивке, но в тебе уже зреет понимание, мол, ты не один! Мы выстоим, мы сможем! И это заметно успокаивало, придавая уверенность.

– Да, пожалуй, я так и сделаю, – пробормотал Кузнецов, ковыряясь ключом в замке. – Но…

(что «но?»)

– Я сделаю это, как получу информацию от Максима, – объяснил он, глядя в сторону лестничного пролета, словно там кто-то был. – И потом, завтра день рождения моей дочери!

Последняя фраза прозвучала агрессивно, почти как вызов.

Он зашел в квартиру. Его внимание тут же привлек белый прямоугольничек, торчащий из рамки зеркала в прихожей.

«Комосов Эдуард Сергеевич, семейный адвокат. Разводы, дележ имущества, наследство» – прочитал он и с тупым недоумением уставился в собственное отражение. Что это за хрень?!

«Она специально это оставила» – ядовито ухмыльнулся голос из сна. «Чтобы ты понял сам своей дурацкой башкой»

– Я не дам тебе развода, Ириша, – ровно произнес Владимир, порвав визитку на мелкие кусочки. Затем, не разуваясь, прошелся по квартире. Беглый осмотр подтвердил его опасения – все вещи жены и дочки, а также ее игрушки были вывезены.

– Б…дь! – вырвалось у него.

Снова, как никогда, захотелось выпить.

«Я не буду. Я не алкоголик».

(Ты выпивал раньше. Вплоть до того дня, когда привезли…)

– Заткнись! – взвизгнул Кузнецов.

(…когда привезли девочку. Помнишь?)

Он помнил. Такое не забудешь. Странно, что он не вспомнил об этом тогда, когда впервые увидел ее в понедельник. Тогда, в подземном переходе.

На кухне он увидел мусорное ведро, в котором было вечернее платье Ирины. Платье стоимостью двадцать восемь тысяч валялось среди картофельных очистков, как заблеванная газета. То самое платье, которое он располосовал ножом вчера ночью, роясь в шкафу в поисках незваной гостьи.

Он вспомнил тот вечер, когда Ира надела это платье впервые. Ее губы были сладкие, как спелая черешня, а глаза светились от счастья. После ресторана они поехали домой и трахались до самого утра, из-за чего он даже опоздал на работу.

Он ударил по ведру ногой, и оно перевернулось, веером рассыпая по плитке мусор. Этого ему показалось мало, и он снова замахнулся ногой. Бух! На этот раз ведро взлетело вверх, устремившись в окно. Послышался звон – от удара треснуло стекло.

– Разгон, выход один на один, опасный момент! – воскликнул Кузнецов и засмеялся. Жутковатый смех вязкими кляксами вылетал из его рта, растворяясь в воздухе.

Ладно. Шутки в сторону, пора звонить Максу.

– Ты разве не смотрел свою почту? – спросил Логвиненко, когда он набрал его номер. – Я не мог до тебя дозвониться.

– Я только домой вошел. Дела были, – ответил Кузнецов, решив не посвящать друга в подробности своего сегодняшнего местопребывания.

– Интересная история, должен тебе сказать. Можно поинтересоваться, какое к этому ты имеешь отношение? – задал вопрос сыщик.

– Боюсь, сейчас мне не до этого, дружище, – кисло улыбнулся Владимир. Он взглянул на разбросанный по кухне мусор, на разбитое окно, и его улыбка стала шире. – Наверное, как-нибудь потом.

Он отключился и засеменил в комнату, где у него стоял компьютер.

– Давай же, – с нетерпением ворчал он, выстукивая пальцами по столу барабанную дробь. – Загружайся, едрить тебя в задницу.

Когда значок в самом низу экрана, символизирующий статус подключения к Интернету, окрасился в зеленый цвет, он открыл свой почтовый ящик.

К письму от Макса была прикреплена фотография, и Владимир тут же уставился на нее, не веря своим глазам.

– Что за бред, – протянул он, увеличивая изображение. Он хотел рассмеяться, но из горла вырвался лишь сдавленный хрип. Затем перевел взгляд на текст.

«Погибшая… Осокина Ксения Владимировна» – прочитал он текст. Хм… Осокина, Осокина… Знакомая фамилия. 25 апреля 2004 года рождения…

Он почувствовал, как по виску сбегают ручейки пота. Макс что, издевается, что ли? 25 апреля – день рождения его дочери! И фото…

Он снова взглянул на картинку. Девочка, изображенная на фотографии, была очень похожа на Настю.

«Не похожа. Они как две капли воды» – шепнул ему внутренний голос, и Кузнецова начало трясти. И это отчество… Владимировна…

Он снова набрал детектива.

– Макс, если это шутка, то она очень неудачная, – едва сдерживая себя, рявкнул он.

Логвиненко полюбопытствовал, в чем, собственно, проблема.

– Эта девчонка… Она копия моей дочери! И день рождения совпадает! Ты веришь в такие вещи?!

– В этой жизни много необъяснимых совпадений, – спокойным голосом сказал Максим. – Поверь, я знаю, о чем говорю. И ты не первый.

– Я не верю.

– Это твое дело. Ты просил факты, я тебе их предоставил.

– А ее мать? – не унимался Владимир. – Узнал что-то?

– Она погибла тогда же. Там очень мутная история, сведения будут завтра. Зато данные матери в письме, ты что, до конца не дочитал?

Владимир швырнул трубку и снова жадно приник к экрану.

Осокина Дарья Вячеславовна, 1978 года рождения. Место рождения: Брянская область. Образование: среднее специальное. Специальность – медсестра. Проживала: Брянская область, г. Климово, ул. Коммунаров, д. 17. Скончалась 25 апреля 2004 года…

Владимир перечитал снова. Потом еще раз.

Он потер и без того усталые глаза с набрякшими мешками.

Неужели…

Он провернул колесико «мышки», вернувшись к фото девочки.

(А ведь Даша говорила ему, что беременна…)

Он встал из-за стола, покачиваясь.

Самое время выпить. Теперь можно.

Однако морозилка была пуста. Кузнецов принялся обшаривать квартиру буквально по миллиметру, и наконец его поиски увенчались успехом – в стенном шкафу, где Ирина держала в качестве НЗ разные незатейливые подарки на все случаи жизни в красочных пакетиках, он обнаружил коллекционный коньяк.

Осокина Даша.

Боже мой. Он и знать не знал, что она погибла. Ведь их связь была такой скоротечной.

Прежде чем открыть бутылку, Владимир будто вспомнил о чем-то и, достав мобильник, начал листать записную книжку. К его удивлению, номер был сохранен. Затаив дыхание, он набрал номер.

«Набранный вами номер не используется» – меланхолично сообщил автоответчик.

– Угу, дебил, разумеется, не используется. Она умерла пять лет назад, – просипел он, открывая коньяк.

«Не просто умерла» – поправил он сам себя. «Ее зарезали. Выпотрошили, как цыпленка».

Он сделал глоток прямо из бутылки, чувствуя, как стенки желудка обожгло, словно он выпил раскаленной лавы.

Это все какое-то недоразумение. И скоро все закончится.

Утром он примет душ, возьмет подарок Насте и поедет к своей семье. Наверное, будет нелишним купить букет цветов Ире. Хороший такой букет, из белых роз.

Он не сразу понял, что из его глаз потекли слезы.

(Клятва Гиппократа, парень. Ты давал клятву, мать твою)

Проклятый голос вновь дал о себе знать, как незаживающая рана, которую задели при неосторожном движении.

Он вытер лицо, встал и направился в темную комнату, надеясь, что уж подарок Настенышу (ролики) Ирина не посмела бы забрать с собой.

Коробка с роликовыми коньками и экипировкой оказались на месте. Он открыл ее

(заяц, там сидит окровавленный заяц и смотрит на тебя глазами-бусинками)

и, удостоверившись, что все в наличии, поставил у входа. Затем вернулся на кухню.

В коридоре его слух уловил звук, заставивший сжаться сердце. Звук раскачивающихся качелей.

«Где мой заяц?!»

– Мне мерещится, – сказал он вслух, запрокидывая голову вверх. По потолку скользнули продолговато-пугающие тени.

Кузнецов взял бутылку и направился в комнату. Долго искал среди дисков нужное, наконец найдя, загрузил его в DVD-проигрыватель.

Это был день рождения Насти, ей исполнилось три годика.

(клятва Гиппократа)

– Пошел ты!!! – заорал он, швыряя пульт в стену. Он разлетелся вдребезги.

Звук цепей нарастал, звеня и вытесняя все мысли. Когда в мозгу на какие-то тысячные доли секунды образовался вакуум, его тут же заполнила другая картина.

Та, что была пять лет назад. 25 апреля 2004 года.

Мужчина пил, плакал и смотрел день рождения дочери. Точнее, смотрели его застывшие глаза, на самом же деле перед ним прокручивался совершенно другой фильм. С совершенно другой концовкой…

25 апреля 2004 года, Московская область, Воскресенский район, пос. Скатково 21:48

– Значит, говоришь, дочка будет? – наверное, раз в пятый переспросил его Андрей. Владимир кивнул, посмотрев на часы. Ира наверняка уже начала рожать. Он хотел остаться в больнице, но жена категорически была против.

«У нас все будет хорошо», – сказала она. – «Езжай и жди хороших новостей».

Кузнецов и поехал. Теперь он коротал время с двоюродным братом Андреем, расположившись на тесной кухоньке съемной квартиры.

– Давай, за здоровье, – сказал брат, поднимая рюмку.

– Я не буду. Может быть, придется к Ире ехать, – отказался Владимир.

– Ладно тебе, – настаивал Андрей. Его лицо уже раскраснелось от выпитого – в гости к Владимиру он уже пришел слегка навеселе.

Немного поупрямившись, Владимир наконец сдался. В конце концов, и ему нужно расслабиться.

Они выпили.

Кузнецов снова посмотрел на часы.

– Ты завтра на работу? – поинтересовался Андрей, цепляя вилкой кусок селедки, и тот кивнул:

– Я специально два отгула взял.

Видя, как нервничает брат, Андрей похлопал его по плечу:

– Не ссы, братуха, все бабы это делают. Твоя Ирка здоровая, родит нормально, вот увидишь. Выйдет твоя доча, как пробка из шампанского.

Владимир ничего не ответил, но почему-то сравнение с пробкой его покоробило.

Он посмотрел на телефон. И в эту же секунду он зазвонил. Андрей удивленно посмотрел, с какой скоростью Кузнецов кинулся к мобильнику.

– Да!

– Владимир Георгиевич, это Наталья, из приемной, – затараторила сотрудница больницы. – Не пугайтесь, но вы должны приехать!

– Что случилось? Что-то с Ирой? С девочкой?! – закричал он.

– Небольшие осложнения, и Ирина Алексеевна зовет вас. Тут еще… – девушка замялась.

– Что?!!

– Разве вы не знаете? – обеспокоенно проговорила Наталья. – Рядом с Благоево электрички столкнулись, туда сейчас все наши поехали! В больнице сейчас никого нет!

– Еду, – бросил Владимир.

Он крикнул, чтобы Андрей включил новости, а сам выскочил на улицу.

«Лишь бы на гайцов не нарваться» – молился он. Нога так и норовила вжать педаль газа до упора, но он заставил себя ехать с умеренной скоростью.

(небольшие осложнения…)

Он выругался, ударив кулаком по приборной доске. Ведь хотел же остаться там! Нет, послушал бабу!

Вскоре он был в областной больнице, где работал хирургом.

– Что там за авария? – спросил он, на ходу переодеваясь в халат.

– Говорят, много жертв. Из других больниц тоже бригады вызвали, «скорых» не хватает, – сообщила ему Наталья.

Владимир натянул перчатки и прошел в родильное отделение. Его поразила непривычная тишина, царившая в коридорах больницы.

Он буквально влетел в родильную палату.

«Небольшими осложнениями» на деле оказалось одинарное обвитие плода пуповиной. К счастью, к его приходу проблема уже была устранена. Девочка вот-вот должна была появиться на свет.

– Володя… – вскрикнула Ирина, увидев мужа.

Кузнецов взял ее за руку и тихонько сжал.

– Все у нас будет прекрасно, – проговорила акушерка. – Ты молодец, Ирочка. Давай, тужься, милая. Давай, чуть-чуть осталось. Малышка уже на свет хочет.

Владимир наклонился и поцеловал жену в лоб. Он был мокрым и горячим.

– Я люблю тебя, родная.

В этот момент в дверь постучали, и Кузнецов чуть ли не с ненавистью посмотрел на нее, словно во всех бедах в его жизни была виновна она.

Это была Наталья, и лицо ее было белее снега.

– Владимир Георгиевич… там привезли…

– Кого еще привезли?! – прорычал Кузнецов. – Китайских туристов?! Ты можешь меня оставить в покое, пока моя жена рожает?! У меня отгул, понимаешь? Я здесь только из-за моей жены и моего ребенка!!

– Владимир Георгиевич, я все понимаю… но здесь больше никого нет, все уехали, – сбивчиво оправдывалась Наталья. – Пожалуйста…

– Что случилось? – выйдя из палаты, уже спокойнее спросил он.

– Привезли девочку, – голос медсестры дрогнул. – Она в приемной. Ножевое ранение. Проникающее.

Владимир с шумом выпустил воздух сквозь зубы. И это именно сегодня. Авария, раненая девочка. Еще не хватало, на их несчастную больницу свалился метеорит, а потом началось цунами.

– Насколько тяжело она ранена?

– Я не знаю. Там все в крови. Нож все еще в теле.

Девушка прикусила губу, и Владимир понял, что ей страшно.

– Ее привез какой-то мужчина. Сказал, что ее зарезала мать, вроде она сошла с ума. Я позвонила в милицию.

Он снова вздохнул.

– Она еще живая. А этот мужчина куда-то делся, – растерянно добавила Наталья, как будто это сейчас было важно.

– Ладно.

Не скрывая раздражения, Кузнецов нацепил на рот маску и зашагал в приемное отделение.

– Пожалуйста, помогите ей, – прошептала Наталья, с надеждой глядя на его атлетическую спину.

Владимир втолкнул каталку в операционную комнату и закрыл дверь. Затем повернулся и внимательно посмотрел на ребенка.

Это была крошечная девочка, лет четырех или пяти. Ее волосы слиплись от крови, и лишь по нескольким прядям можно было судить, что они светлые. И наверное, еще час назад были очень красивыми. На лбу большая вмятина, дырка сочилась кровью. Из живота девочки торчал кухонный нож, погруженный почти наполовину. В ногах ребенка валялся плюшевый заяц, весь перепачканный в крови.

«Она не жилец» – пронеслась у Кузнецова мысль. Наверняка пробито легкое – изо рта ребенка тоже шла кровь.

Только сейчас он обратил внимание, во что одета малышка – ее словно привезли с какого-то праздника. На ее разбитой головке каким-то чудом держался измятый ободок с изогнутыми усиками, а платье украшали полупрозрачные крылышки, одно из которых было сломано.

Бабочка.

Он осторожно коснулся тоненькой шеи девочки. Она была еще жива и дышала, быстро и прерывисто.

Владимир вытащил пачку сигарет и направился к окну. Отворив пошире створку, он зажег сигарету.

Минуты через две-три ее сердце остановится, и тогда он спокойно вернется к жене. Если начинать реанимационную канитель, он провозится тут полночи. Нужно просто не мешать процессу, который уже фактически завершен.

Владимир вспомнил о жене. Блин, да ведь в эти секунды, которые он торчит здесь, он уже наверняка стал отцом! Он выпустил дым в окно, стряхнул пепел. Одна жизнь зарождается, вторая заканчивается, подумал Владимир философски, мельком бросив взгляд на умирающую девочку. Ничего личного, это закон жизни. Суровой и беспощадной жизни.

«Нужно будет хоть создать видимость работы» – он затянулся с озабоченным видом. Капельницу приготовить, шприцы…

– Папа…

Кузнецов дернулся вперед, будто его в спину ударили чугунной кувалдой. Сигарета выпала из пальцев. Он обернулся.

Девочка открыла глаза, придя в сознание.

– Зайчик, – прошептала она. – Где мой зайчик, папа?

Владимир шагнул вперед, стараясь держать себя в руках. Малышка смотрела прямо на него чистым и ясным взглядом. Он поразился, насколько красивы были глаза девчушки – прозрачно-голубые, словно вырезанные из небесного хрусталя.

– Папа?

– Я не твой папа, – кашлянул мужчина. Он снова натянул маску, поймав себя на мысли, что так чувствует себя более защищенным. Ему вдруг сделалось

неуютно. Если сейчас сюда зайдет кто-то из руководства больницы и увидит, что он болтает с умирающим ребенком, ему несдобровать.

– Я люблю тебя, – очень тихо произнесла девочка.

«Она бредит» – в смятении подумал Кузнецов. Он метнулся в сторону, подкатил к девочке стойку с капельницей.

– Зайчик…

Владимир схватил зайца (он был мокрым и тяжелым от набухшей крови) и чуть ли не силой вложил его в руку малышки.

На ее лице затеплилась слабая улыбка.

– Не делай больше нам больно. Мне и маме.

– Не буду, – рассеянно пообещал Владимир. Он принес шприц и некоторое время стоял, раздумывая. Девочка молча смотрела на него, тяжело дыша. Изо рта медленно сочилась кровь.

(когда же ты умрешь?!!)

«Сделай ей укол, ублюдок. Просто сделай укол, избавь ее от боли!» – визжал тем временем внутренний голос.

(она все равно умрет. Вот-вот… уже почти… ее надо в морг…)

Словно читая его мысли, девочка разлепила губы:

– Очень больно.

Ее пальчики легли на рукоять ножа.

«Если она вынет нож, то смерть наступит мгновенно».

Глаза ребенка закрылись.

«Не дай ей сделать это!»

Девочка потянула нож наверх, из широкой раны потоком хлынула кровь. Она всхлипнула, ее грудь выгнулась дугой.

Владимир стоял столбом, глядя на нее, как завороженный.

Когда лезвие вышло полностью, с губ девочки сорвался вздох. Едва слышный, но Владимир сумел его услышать. После этого она прижала к себе зайца, который из белого медленно становился красным.

Он протянул трясущуюся руку к шее малышки. Затем отодвинул веки. Зрачки неподвижны.

Девочка была мертва.

Где-то в коридорах раздались торопливые шаги, и Владимир, будто опомнившись, быстро сделал укол мертвому ребенку. В вену другой руки он кое-как подсоединил капельницу.

Потом сам открыл операционную и вышел наружу.

– Поздравляю, Владимир Георгиевич, – улыбаясь, обняла его акушерка. – У вас дочка…

Кузнецов тоже улыбнулся.

– Я счастливый отец!

– Как поступившая девочка? Слышала, у нее ранение?

Улыбка быстро угасла.

– К сожалению, ее привезли слишком поздно.

Акушерка с грустью покачала головой. Она перекрестилась, но Владимир уже этого не видел – он спешил к жене. К жене и дочери…

…К счастью для него, тогда вся эта история закончилась благополучно. Буквально через несколько минут после смерти Ксюши в больницу хлынул поток раненых во время столкновения электричек, и никому не было дела до какой-то мертвой пятилетней девочки, сжимающей в объятиях плюшевого зайца. Ее просто отвезли в морг, и все. А кто она и каким образом получила страшные раны – Владимир никогда не интересовался…

Пульт был разбит, и ему пришлось подниматься с кресла, чтобы включить воспроизведение диска с днем рождения Насти заново. Это был уже пятый или шестой раз. Бутылка коньяка, стоявшая на журнальном столике, стремительно пустела, а голова наливалась свинцом.

Осокина Даша.

Красивая, стройная девушка. Она ему сразу понравилась, как только он увидел ее. А через неделю они переспали. То ли презерватив был некачественный, то ли еще что-то, но спустя какое-то время она сообщила Владимиру о беременности. Он был непреклонен, к тому же у него к тому моменту уже вовсю раскручивался роман с Ириной.

«Мало ли от кого ты залетела» – заявил он ей. «Нужны деньги на аборт, ты скажи».

Она молча проглотила обиду и ушла. Уволилась из больницы и вообще исчезла из его жизни. Больше он ее не видел. И даже не знал о появлении на свет своей дочери Ксюши.

Ксения Владимировна. Надо же, а ведь она даже отчество дала ей по моему имени…

Так это или иначе, но, судя по всему, в тот день у него одновременно умерла одна дочь и родилась другая.

«Ее привез какой-то мужчина. Сказал, что ее зарезала мать, мол, она сошла с ума» – вспомнились ему слова медсестры. Значит, у Даши поехала крыша, и она убила собственную дочь…

– Пора спать, – объявил он пустой комнате. Его мутило, ноги подкашивались, но он нашел в себе силы доковылять до спальни. И зачем он опять принялся пить?!

С улицы раздался тихий смех, к которому примешивался звук цепей. Он выглянул в окно.

Она была там. Призрачная тень, сотканная из лоскутьев тьмы и ночных кошмаров. Злобно хохоча, десятилетняя девочка раскачивалась на качелях, каждый следующий раз поднимаясь выше и выше. Выше и выше…

Владимир задернул штору.

– Прости меня, – прохрипел он.

25 апреля, воскресенье

Как ни странно, на этот раз пробуждение было не таким ужасным.

И тем не менее внутри царило некое гадостное чувство, словно он всю ночь провалялся в навозе. Владимир встряхнул головой. Все, с сегодняшнего дня с выпивкой он завязывает. Ну, разве что пару стопок на дне рождения Насти…

После душа он почувствовал себя просто отлично. На всякий случай выглянул в окно. Детская площадка была пустой. На качелях тоже никто не раскачивался. Кузнецов широко улыбнулся.

Он принялся собираться, мурлыча себе под нос какую-то песенку.

Владимир напевал, но все его мысли каруселью носились вокруг одной-единственной фразы, которую он обдумывал еще сегодня ночью.

Она сошла с ума и зарезала дочь.

ОНА СОШЛА С УМА И ЗАРЕЗАЛА ДОЧЬ.

Ира, его жена.

Она ведь стала немного другой.

«Конечно, другой, парень» – с готовностью подхватил скребущий голос-вилка.

А вся эта история пятилетней давности… Эти странные совпадения, и конец…

«Мне скоро десять лет, папа»

Да-да. Если бы тогда он спас Ксюшу, она была бы уже почти взрослой девочкой, с потрясающей улыбкой и формирующейся грудью, от вида которой мальчишки уже спустя лет шесть будут с восхищением оборачиваться ей вслед.

«Все повторяется. Жизнь, она ведь как спираль» – снова заскрипел голос.

Он тщательно побрился, надушился одеколоном. Выйдя из ванной, Владимир нахмурился.

Следы. Снова эти следы.

Он закрыл глаза и простоял так несколько секунд.

Потом открыл.

Следы не исчезли. Словно нечто вылезло из своей поросшей травой могилы, пробралось сюда ночью и шлепало по квартире, пока он спал, вусмерть надравшись.

– Ксюша?

Кузнецов прошел в детскую комнату. Кровать Насти была вся в грязных потеках, будто белье использовали в качестве половых тряпок.

– Ты ночевала тут? У меня дома? – вкрадчиво спросил он. Прошествовал на кухню. Стул тоже был грязным, на Настиной кружке – отпечаток губ.

– Кто ел из моей тарелки? – пробормотал Владимир, поднося кружку ближе. Понюхал, поморщился. Пахло дохлыми мышами и плесенью. – Кто сидел на моем стуле? Кто спит в моей кроватке? Ау, Ксю-уш!

Его глаза заблестели нездоровым блеском.

– Мы скоро увидимся, дорогуша, – усмехнулся он, бросая кружку в раковину. Послышался звон стекла.

Он надел свой любимый белый костюм, критически оглядел себя в зеркало, после чего стал набирать номер супруги.

– Увидимся, – уже тише добавил он. – Обязательно увидимся…

Когда в трубке раздался голос Ирины, лицо Кузнецова преобразилось, и он радостно воскликнул:

– Привет, солнышко мое! Поздравляю с днем рождения дочки!..

…Ирина поставила перед дочкой миску с залитыми молоком хлопьями.

Девочка надула губы:

– Хочу вареную колбаску.

– Когда в обед сядем за праздничный стол, тогда и будет тебе колбаска, – сказала женщина. – И много чего другого вкусного.

Девочка вопросительно посмотрела на бабушку, молчаливо испрашивая у нее поддержку, но Валентина Ивановна лишь улыбнулась:

– Неужели нельзя пару часов потерпеть?

– Нет, – сообщила безапелляционно Настя. – У меня сегодня день рождения.

– Значит, все можно? Мы знаем, что у тебя день рождения, – спокойно кивнула Ирина, отпивая дымящийся кофе. – Скоро придет время поздравлений.

На кухню вошел пожилой мужчина. Несмотря на годы и взрыхленное морщинами лицо, в нем чувствовалась военная выправка. В его руках было несколько воздушных шариков. Это был дедушка Насти, отставной полковник.

– Что, лишние остались? – спросила Ирина.

– Нет, скотч ищу.

Леонид Александрович взял с холодильника липкую ленту и вдруг спросил:

– Твой-то не собирается к нам в гости, случаем?

Ирина на мгновение смутилась. В последнее время с Володей творилось что-то из ряда вон выходящее, и она уже начала побаиваться его.

«Говори правду. Не просто побаиваться. Я хочу развестись с ним», – мысленно произнесла она, поразившись, с какой легкостью пришла к такому решению.

– У нас временные трудности, – сказала она, избегая встречаться с тяжелым взглядом отца. – Ему тяжело сейчас. Но… это ведь его дочь. И он наверняка захочет увидеть ее в этот праздник. Он имеет полное право на это, папа.

– А я не хочу видеть этого человека в моем доме, – отчеканил старик. Было видно, что он едва контролирует себя от кипящей ярости. – Человека, который бросается на своих родных с ножом.

– Папа!

– Леня, прошу тебя, – вмешалась Валентина Ивановна, взяв руку мужа в свои ладони. Черты лица Леонида Александровича немного смягчились.

– Полчаса, – сказал он после секундного размышления. – И это последнее слово. Думаю, ему вполне хватит тридцати минут.

– А папа когда приедет? – спросила Настя, поняв, о ком идет речь.

– Скоро, – сказала Ирина.

– Не обижайся на отца, Ира, – подала голос Валентина Ивановна, когда старик покинул кухню. – Он очень переживает из-за всего этого.

– Я все понимаю.

Настя доела хлопья и, прокричав «спасибо», умчалась. Ирина стала собирать посуду, но мать решительно остановила ее.

– Я сама. Лучше иди, посмотри наряд для Настюши. Ты ведь говорила, что у них скоро какой-то праздник в саду? Мы ей с дедом чудесный костюм приготовили! Отец тебе покажет.

– Спасибо, ма…

Телефонный звонок не дал Ирине договорить.

– Оп. Легок на помине, – с легкой досадой проговорила она, беря мобильник. – Да! Привет.

Некоторое время она молчала, потом, перехватив пытливый взгляд матери, сказала:

– Хорошо. Можешь приезжать прямо сейчас. Только времени у тебя будет немного. И это не обсуждается. Пока.

Владимир плюхнулся в машину. Поймал в зеркале свое отражение и глумливо подмигнул сам себе.

– Вперед, – скомандовал он, трогаясь с места.

Если все будет хорошо, через пару-тройку часов он будет у них. Правда, почему-то Ирина сказала, что времени на общение с Настей будет всего полчаса, но он не стал возмущаться по этому поводу. Главное – доехать.

Уже когда его «Лексус» несся по МКАДу, он неожиданно вспомнил, что забыл взять подарок Насте. Эти сраные ролики с не менее сраными шлемами-наколенниками и прочими нажопниками, хе-хе. Но это не сильно расстроило мужчину – он помнил, что на трассе по дороге на дачу будет несколько точек, где торговали детскими товарами.

Остановившись возле одной из них, он начал выбирать подходящую, как вдруг его внимание привлек громадный белый заяц.

– Привет, парень, – прошептал он, не сводя глаз с игрушки. – Давно не виделись?

Он заплатил продавцу и, усадив тушу зайца на переднее сиденье, двинулся дальше.

«Цветы» – промелькнула у него мысль. Цветы для Иры.

Когда он купил розы и вновь сел за руль, ему показалось, что заяц изменил позу. Или ему показалось? А может, у него началась шизофрения?!

– Дитям мороженое, бабе цветы, – повторил он крылатую фразу Папанова из «Бриллиантовой руки». Исподлобья посмотрел на зайца. Тот ухмылялся, глядя на него своими круглыми блестящими глазами.

«Все повторяется, парень».

Владимир чуть не подпрыгнул. Отвратительный, мертвый голос раздавался у него в голове.

Ухмылка зайца стала шире. Она была отталкивающая. Словно кто-то щипцами раздвинул края гнилой раны.

– Она убьет ее? – глухо спросил Кузнецов. – Убьет мою дочь?

– Ранит, – осклабился заяц. Стали видны его зубы – желтые, выпирающе-здоровенные, как у дряхлой кобылы. – Она ее продырявит ножом, а потом твоей девчонке дадут умереть. В больнице. Как это когда-то сделал ты.

– Нет!!! – заорал Владимир, теряя остатки самообладания. Машину резко вильнуло в сторону, и он чуть не врезался в «Газель».

– Я успею? – спросил он без особой надежды.

– Может быть.

Заяц зевнул, и Кузнецова обдало вонью разложения. Заяц гнил заживо.

«Как он может гнить? Он ведь плюшевый»

– Ты не знаешь главного.

– Что? Что она родит мутанта? Я знаю это!

– В ее чреве их уже трое. Вечером отпочкуется еще один. Они будут размножаться, как крысы. Они заполонят этот чертов город и уничтожат все живое.

– Я убью ее.

Заяц захихикал, и Владимир присоединился к нему. Если бы его лицо могли разглядеть сотрудники ГИБДД, его немедленно остановили бы – совершенно безумный взгляд и пепельный цвет кожи буквально вопили о том, что человеку срочно требуется психиатрическая помощь.

Владимир протянул руку и поддел ногтем глаз зайца. Оттуда потекла коричневая жидкость. В зловонной глазнице копошились черви.

– Я в норме, парень, – успокоил его заяц. – У меня для тебя еще новость. Она с ними. Настя, то есть, – понизив голос, сообщил он.

– Настя? – Владимир был ошеломлен.

– Они все меняются, парень, – проскрипел плюшевый монстр. – Сожалею.

Владимир подумал о ноже, который он неизвестно зачем положил в бардачок.

– Эй. Откуда ты все знаешь? – спросил он, но ответом ему была тишина. Кузнецов скосил глаза. Блестящие искусственные глазки бессмысленно глазели на дорогу. Заяц молчал.

Да и не мог он ответить. Ведь, по большому счету, это всего-навсего игрушка. Обычная плюшевая игрушка.

Через сорок минут он был на месте. В салоне машины витал одуряющий запах роз – Владимир купил пятьдесят одну штуку. Не забыл он и о родителях жены: теще приготовил шоколадный тортик, тестю – бутылку виски.

Когда он уже собирался выйти из машины, ему неожиданно позвонил Логвиненко.

– Макс, у меня почти нет времени, – сказал он, прежде чем детектив успел открыть рот. – Говори очень быстро.

– Володя, это касается того дела, насчет убийства. Девочка, Ксюша, помнишь?

– И что?

(я сам все уже давно знаю)

– Ее смертельно ранили на собственном дне рождения.

Дверь открылась, и они вышли из дома.

(они все меняются)

Кузнецов аккуратно положил трубку на сиденье.

Извини, парень Я потом тебя дослушаю.

Потом он увидел Настю, и его брови подскочили вверх.

Бабочка.

(Она с ними)

– Папа, папа! – захлопала в ладоши она и побежала к машине.

Владимир вылез наружу и крепко обнял дочку.

– Привет, родная, – прошептал он. Глаза его превратились в ледяные осколки. – Смотри, что я тебе привез.

Он мягко обошел автомобиль и достал с переднего сиденья игрушку.

Заяц улыбнулся уголком рта.

«Мы же работаем в связке, парень?»

Верхняя губа набитого ватой ушастого урода слегка задралась, обнажая громадные зубы.

И как только они помещаются у него во рту? – почему-то подумал Владимир.

Губа зайца опустилась обратно, как заслонка.

Слава богу, никто, кроме Кузнецова, этого не видел.

– Классный зайчик! – в восторге прокричала Настя. Взвалив его на плечо, она побежала в дом. Владимир видел морду игрушечного чудовища, подпрыгивающую в такт движениям дочери. Заяц злобно ухмылялся, и эта ухмылка предвещала беду.

– У тебя есть… – начала говорить Ирина.

– Да, я знаю, милая, – кивнул Владимир, прервав ее на полуслове. – Полчаса. И уж будьте уверены, я использую их на все сто.

Эта фраза развеселила его, и он издал смешок. Всучив подарки теще и тестю, он передал букет Ирине. Она вдохнула аромат свежих роз, и щеки ее зарделись.

– Это тебе, любимая, – нежно улыбнулся Владимир. Ирина тоже ответила улыбкой. Настоящей, не фальшиво напряженной, а искренней и лучезарной. Владимир в такие моменты любил ее еще больше.

Впрочем, это ничего не меняет. Уже слишком поздно.

– Ты такой нарядный, – заметила Ирина.

– Пройдемте в дом, – мягко предложил он. – У меня для вас сюрприз.

От него не ускользнул недоверчивый взгляд тестя.

«Не верю ни единому твоему слову. И виски твой наверняка полное говно» – читалось на его окаменевшем лице.

Собственно, сейчас Владимиру было совершенно наплевать, что о нем думают родители Ирины. Главное, чтобы они вошли в дом. И, что самое важное, они не должны ничего заметить.

(к примеру, гвоздодер и нож, которые были спрятаны у него за поясом)

Тем временем из его телефона, который все также лежал на пассажирском сиденье «Лексуса», доносился невозмутимый, слегка искажаемый помехами голос Максима:

– …сначала все думали, что бойню устроила мать девочки, Осокина Дарья. Потом, когда начали копать, выяснилась правда. Ее и девочку зарезал сожитель. А преподнес это, мол, Осокина головой тронулась, дочь свою искромсала, а потом с собой покончила… Его потом поймали, судили. Он недавно на зоне богу

душу отдал. Кстати, по тому бомжу в подземном переходе. Он и правда умер, Винеев Игорь его звали. Но у него не было детей, и никаких девочек «Скорая» от него не привозила… Ты слышишь, Володя? Алло? Алло?!

Первым, понявшим, что происходит что-то не то, был Леонид Александрович. Как только они поднялись по ступенькам наверх, Владимир грубо затолкал всех внутрь, ловко заперев изнутри дверь. Он спрятал ключ в карман, и его рот разъехался до ушей, как у спятившего клоуна.

– Валя, Ира, наверх! – страшно вскричал Леонид Александрович, видя, как его зять, откинув полы пиджака, словно ковбой, вытаскивает из-за пояса громадный тесак и гвоздодер.

«Я же предупреждал» – взрыхлила мозг паническая мысль.

Валентина Ивановна испуганно заголосила, пятясь назад.

«Ружье» – мысленно проговорил про себя старик. Но Владимир уже шел на его жену.

Он бросился к ним.

Первый удар гвоздодера в голову поверг старую женщину на пол. Из проломленного черепа стала толчками хлестать кровь.

– Мама!!! – взвизгнула Ирина, ее лицо превратилось в отталкивающую маску. – Что ты наделал?!

– Ира, беги за Настей. Звони в полицию, – прохрипел Леонид Александрович. Он вцепился в пиджак Кузнецова, пытаясь заломать ему руки, но тот, развернувшись, оттолкнул его и всадил ему нож в живот.

– Я отправлю вас… отправлю, – пыхтел Владимир. – Туда, откуда вы вылезли, твари…

Он брезгливо толкнул ногой обмякшее тело тестя, и пожилой мужчина, не удержавшись, упал. Истекая кровью, Леонид Александрович медленно пополз в

другую комнату. Туда, где находился сейф с охотничьим ружьем. Из глубокого разреза выглянули внутренности, и он прижал их рукой, чтобы они не вывалились совсем.

– Думала, я не знаю, что ты задумала? – шипел Владимир. Он взмахнул тесаком, срубив Ирине нос и часть щеки. Воздух завибрировал от раздирающего вопля. Держась за болтающийся кусок мяса на лице, Ирина на заплетающихся ногах заковыляла к Насте, но Кузнецов, зверея, ударил ее в спину. Удар был такой силы, что лезвие сломалось, попав в позвоночник, и он отшвырнул непригодное оружие в сторону. Взял со стола новый нож, замахнулся… Еще разок…

Ирина остановилась, глядя на дочь широко распахнутыми глазами. Потом без звука опустилась вниз.

– Папа! Папочка, не надо! – закричала Настя. Она зарыдала, в ужасе глядя на дикую расправу, ноги ее подогнулись, и она села на пол.

– Я не дам тебе родить уродов, – продолжал шипеть Кузнецов, остервенело тыкая им в дергающееся тело жены. После двадцать третьего раза конвульсии стихли.

Он поднял голову и столкнулся взглядом с зайцем. Тот вальяжно восседал за столом.

– Хочу увидеть их вживую, – словно оправдываясь, пояснил Владимир. Он начал вспарывать по кругу, словно консервную банку, набухший живот Ирины. Заяц понятливо кивнул и потянулся за конфетой, лежащей в стеклянной вазочке.

– Ты не будешь разочарован, – проскрипел он, отправляя батончик в плюшевый рот.

Кузнецов держал наготове гвоздодер. Он не даст им уйти, ни одной твари…

– Володя… что ты делаешь?

Кузнецов медленно повернулся. Валентина Ивановна с кряхтеньем встала на четвереньки. – Не убивай нас. Пожалуйста.

Оскалившись, Владимир взмахнул гвоздодером. Удар пришелся четко между глаз, застряв в лобной кости, и ему пришлось упереть в грудь старухи ногу, чтобы выдернуть его. Больше она не поднималась, и Владимир снова занялся Ириной.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/aleksandr-vargo/pupovina

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить